

Целевая регуляция поведения человека*

Н. В. Гришина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Гришина Н. В.* Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 310–323.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>

В описаниях детерминации поведения человека, наряду с влияниями его прошлого опыта и актуальной ситуации, в современной психологии личности все большее место начинают занимать конструкты будущего (жизненные планы, возможные Я и др.), среди которых важную роль играют цели человека. Цели являются важнейшим регулятором активности человека, реализация которой требует образа результата, на достижение которого она направлена («модель потребного будущего» по Бернштейну). Цели, в отличие от мотивов и потребностей, относящихся к тому же феноменологическому полю, имеют ситуационный характер. Концепт жизненного пространства Левина подчеркивает неразрывную связь человека с ситуациями и контекстом жизнедеятельности, для конкретизации этой связи Томас вводит понятие «определение ситуации», Выготский — «переживание». В эти описания взаимодействия человека с ситуацией нами включается понятие цели: определение ситуации имеет когнитивный характер, переживание описывает аффективный компонент этой связи, цель относится к недостающему действенному компоненту; во взаимодействии с ситуацией все эти составляющие работают вместе, обеспечивая ее понимание, оценку значимости и ее согласованности с целями человека. В соответствии с представлением о контекстуальном характере целей предложена уровневая дифференциация целевой регуляции, которая предстает как решаемые задачи при взаимодействии с конкретными ситуациями, как собственно цели в жизненном контексте и как смыслы при взаимодействии с экзистенциальной реальностью. Контекстуальное понимание целей положено нами в основу гипотетической модели целевой регуляции, подвергнутой проверке в эмпирическом исследовании. Полученные результаты показали связь целей человека с вероятностью их достижения в конкретных условиях его жизненной ситуации, оцениваемых им с точки зрения того, насколько ему уже удалось реализовать планы и ожидания прошлого, а значимость целей в конкретных сферах жизнедеятельности определяется тем, что человек готов сделать для их достижения, в том числе изменить свою жизненную ситуацию или измениться самому. Тем самым был подтвержден тезис о контекстуальном характере целей.

Ключевые слова: цель, целевая регуляция, контекстуальный характер целей, уровневая дифференциация.

Проблема детерминации поведения человека

Вопрос об основных источниках активности человека является одним из ключевых в психологии, а поиск объяснительных моделей, описывающих детерми-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 22-28-00871 «Целевые и ситуационные детерминанты процесса самоизменений личности».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

нанты разнообразных форм его активности, не прекращается на протяжении всей истории психологии. Доминирующим в классической психологии был концепт детерминированного человека, в качестве основных детерминант поведения человека описывались внешние воздействия или внутренние процессы. Постепенно жесткие рамки ранних объяснительных схем начинают размываться, сами объяснительные модели усложняются, а общее представление о детерминации поведения человека дополняется идеями самодетерминации.

Описания источников активности не ограничиваются поиском их пространственной локализации, но касаются и временных координат, утверждением влияния прошлого опыта или особенностей актуальной ситуации, и далее расширяются до признания роли будущего в детерминации поведения человека. Споры о приоритете той или иной объяснительной схемы во многом остались в прошлом из-за растущего понимания более сложной природы этих процессов, не сводимых к одному общему закону. Представление о том, что «у всех людей одни и те же психологические феномены подчиняются *одним и тем же законам*», Д. А. Леонтьев относит к методологическим заблуждениям классической психологии личности (Леонтьев, 2011, с. 13).

Общим законом в понимании активности человека является представление о ее принципиальной детерминированности, источниками которой являются индивидуально-психологические особенности человека, ситуационные факторы и сама личность как источник и фактор собственной активности. Этот общий закон специфицируется до индивидуальной формулы активности каждого индивида, в которой, в зависимости от особенностей самого индивида и конкретной ситуации, разные детерминанты, определяющие его поведение, в том числе и процессы самодетерминации, оказывают разное влияние.

Проблема детерминации активности человека, изначально поставленная еще в философии, в психологии формулируется как соотношение внешнего и внутреннего. В свое время еще С. Л. Рубинштейн называл «раскрытие внутренних психологических условий, опосредующих психологический эффект внешних воздействий на субъекта, и внутренних закономерностей внешне обусловленной психической деятельности» основной задачей психологической науки (Рубинштейн, 2003, с. 211). Тема детерминации находит широкое отражение в психологическом дискурсе, практически во всех значимых подходах к объяснению поведения личности.

В общей эволюции представлений о детерминации активности человека особую роль для психологии личности, по нашему мнению, сыграло включение в описание активности человека координаты будущего. Изначально возникшая в рамках гуманистического подхода в психологии, идея роли будущего в понимании поведения человека в актуальной жизненной ситуации в современной психологии личности реализуется в изучении жизненных планов личности, ее возможных Я, образов будущего и др. Это привело к принципиальному расширению проблемного поля психологии личности, которое первоначально складывалось на основе описания человека, определенного прошлым опытом, но все больше превращается в описание человека, устремленного в будущее.

Важнейшим методологическим обоснованием (к которым традиционно стремится отечественная психология) включения этого вектора в исследования психологии личности в нашей работе стали идеи Н. А. Бернштейна. В своих исследова-

ниях по физиологии нервной деятельности он развивает идеи целевой регуляции активности человека. Детерминация активности целями, будущими задачами, намерениями и т. д. требует, как отмечал Бернштейн, некоего образца, проекта, для обозначения которого, по свидетельству биографа, он искал разные термины (Сироткина, 2018), из которых утвердилось и стало для психологии, пожалуй, наиболее привлекательным понятие модели потребного будущего. Модель потребного будущего создается на основе восприятия и оценки актуальной ситуации в соотношении с тем, какой эта ситуация должна стать. Модель становится ориентиром в построении активности, направленной на достижение желаемого. Любопытно в этой связи следующее высказывание Н. А. Бернштейна: «В реализации существенных параметров организм отчетливо негэнтропичен, добываясь их полного осуществления с преодолением любых препятствий и воздействий извне; в отношении параметров несущественной группы он, напротив, уступчиво приспособителен. Кратко говоря, организм активен по отношению к первым и реактивен по отношению ко вторым» (Бернштейн, 1990, с. 445). Эта активность основана на оценке прошлого опыта, частоты «встречаемости» подобных ситуаций и вероятности их исходов. Описывая этот процесс, Бернштейн употребляет выражение «перераспределение вероятностей».

Дополнением к понятию модели потребного будущего стал термин «вероятностное прогнозирование», предложенный соратником Бернштейна И. М. Фейгенбергом.

Для прогнозирования вероятного будущего человек нуждается не только в понимании стоящих перед ним задач, но и в информации об актуальной ситуации и ее условиях, которую он сопоставляет с прошлым опытом действий в подобных ситуациях. Если ситуация является достаточно определенной и имеет аналоги в прошлом опыте, это дает надежный вероятностный прогноз для осуществления действий. Неопределенная ситуация требует уточнения и соответствующего поиска нужной информации, организм переходит к активному поиску информации, который Фейгенберг называет диалогом с действительностью (Фейгенберг, 2011, с. 30). Для психолога это само по себе звучит достаточно очевидно и банально. Важно, однако, что данные рассуждения ученый относит к организменной активности, присущей не только человеку, но и другим биологическим видам (например, он ссылается на поведение рыб), а это значит, что мы имеем дело с универсальными закономерностями существования живых систем.

Именно эти понятия — модель потребного будущего, вероятностное прогнозирование — создают концептуальную основу описания активности, ориентированной на будущее. Психология добавляет к этому термин «антиципация», означающий предвидение, предвосхищение. Он не является полным синонимом к понятиям, предложенным Бернштейном и Фейгенбергом; более подробный анализ, возможно, показал бы, что, описывая одну и ту же феноменологию, данные термины акцентируют внимание на разных аспектах активности человека, направленной в будущее. Описание этого процесса требует разработки системы понятий, отражающих как его структуру, так и его динамическую сторону.

Одним из понятий, которые должны быть использованы для этой конкретизации, является понятие цели, относящееся к активности, ориентированной на будущее.

Контекстуальный характер целевой детерминации

Понятие цели относится к фундаментальным понятиям психологии личности, а сама цель рассматривается в качестве ключевого регулятора активности человека.

Традиционно под целью понимается некий осознанный результат, часто описываемый в виде образа желаемого, к достижению которого стремится человек. Предполагается, что цели, которые ставит перед собой человек, связаны с системой его потребностей и мотивов. Интересно, что понятие цели имеет множество синонимов в английском языке, из которых в психологии наиболее употребительны goal как конкретная задача, стоящая перед человеком; purpose как намерение, целеустремленность; aim как замысел; intention как стремление; target как мишень, на которую направлены действия, и т. д. Приведенные примеры позволяют судить о многозначности содержания понятия «цель».

В дискурсе отечественной психологии понятие цели также имеет свои синонимы, которые можно разделить на две категории: цель как стремление и цель как проект действий; таким образом, в понимании цели присутствует как процессуально-динамическое начало, так и конечный результат, на который направлена активность человека.

Очевидно, однако, что при всех нюансах в расшифровке понятия цели в ней неизменно присутствует некое побудительное начало, позволяющее утверждать ее характер регулятора активности человека. Вопрос о том, каким образом сознательная постановка целей индивидом может влиять на его поведение, был поставлен еще в работах К. Левина (K. Lewin) и его коллег по изучению уровня притязаний.

Но регулятивной функцией, похоже, роль целей не ограничивается: результаты эмпирических исследований показывают связь целей человека с разнообразной психологической феноменологией. Так, во многих исследованиях показано, что наличие целей играет важнейшую роль в осмысленности жизни (Costin, Vignoles, 2022; и др.); способность человека к перестройке системы целей и их адаптации к меняющимся условиям коррелирует с показателями качества жизни (Barlow et al., 2020); жизненные цели способствуют развитию соответствующих черт личности (Buchinger et al., 2022), и т. д. Авторы последнего, лонгитюдного исследования при этом справедливо отмечают, что «жизненные цели играют важную роль в формировании жизненного пути людей, однако в исследованиях развития личности ими пренебрегают» (Buchinger et al., 2022, p. 206).

Важнейшей — в аспекте нашего обсуждения — характеристикой цели является ее контекстуальный характер: она всегда связана с ситуациями жизнедеятельности, в рамках которых человек ставит перед собой конкретные задачи или отдаленные цели. В силу этого изучение целей человека (в отличие от мотивов и потребностей) всегда требует учета этого контекста. Цель соотносится с возможностями или ограничениями ситуации, по отношению к которой она должна быть реализована. В этом смысле она является интегральной единицей описания «человека-в-ситуации», его связи с контекстом.

В свое время К. Левин предложил концепт жизненного пространства, объединяющий человека и контекст его существования, как преодоление тупикового для психологии разрыва человека и среды, человека и мира, в котором он существует. У. Томас (W. Thomas) вводит понятие «определение ситуации» как конструкт описа-

ния связи человека с ситуацией. Л. С. Выготский предлагает в качестве единицы такого описания понятие «переживание», также объединяющее человека и контекст его жизни.

В этих описаниях связи человека с ситуациями и контекстом его жизнедеятельности, на наш взгляд, недостает понятия цели: определение ситуации имеет когнитивный характер, переживание описывает аффективный компонент этой связи, цель относится к недостающему действенному компоненту.

Во взаимодействии с ситуацией все эти составляющие работают вместе: определение ситуации обеспечивает ее понимание; переживание сигнализирует о ее значимости для индивида; примеряя свои цели к ситуации, человек решает, насколько данная ситуация позволяет ему их реализовать.

Это решение строится на оценке возможностей и ограничений, которые присутствуют в данной ситуации; в частности, К. Левин, описывая жизненное пространство, характеризовал его в том числе и как пространство возможностей. При этом соотношение целей человека с ситуациями, со средой, с которой он взаимодействует, также имеет давнюю историю. Фактически уже Г. Мюррей (Н. Murray), описывая потребности индивида (в достижениях, аффиляции, доминировании, автономии, понимании и т. д.), отмечал, что ситуации, в которых находится индивид или к которым он стремится, могут облегчать их достижение или препятствовать ему. Соответственно, они могут быть классифицированы в зависимости от того, несут они в себе угрозы или обещают выгоду.

Первая, грубая оценка состоит в том, насколько вообще данная ситуация подходит для этих целей, затем уже взвешиваются возможности реализации поставленных целей, после чего в случае положительного ответа человек осуществляет намеченные действия; при несоответствии ситуации его целям человек корректирует их, подгоняя под ситуацию, либо трансформирует ситуацию, подгоняя ее под свои цели.

В одном из давних исследований А. Фёрнем (A. Furnham) предлагал испытуемым задания, предполагающие действия в социальном контексте (передать информацию, попросить о чем-то, передать какое-то сообщение и т. д.), и набор социальных ситуаций (встретиться в маленьком спокойном ресторане, позвонить из дома и т. д.), из которых надо было выбрать ситуации, наиболее подходящие для реализации этих целей. Впечатляющим результатом этого исследования оказалось то, что люди предпочитают определенные типы ситуаций для достижения той или иной цели, то есть считают одни типы ситуаций подходящими и уместными для некоторых целей, а другие нет. Это позволило авторам сделать вывод о том, что люди «имеют ясную идею норм, ограничений и преимуществ определенных социальных ситуаций» для решения тех или иных задач (Argyle et al., 1981, p. 111–112). В сущности, это же было подтверждено и в ряде других исследований, показавших, что люди имеют довольно четкие представления о пригодности ситуаций для достижения своих целей.

Речь идет об исследованиях, выполненных в 1980-е гг., которые стали периодом всплеска интереса к тематике психологии ситуаций, отмеченным выходом ряда фундаментальных работ (Argyle et al., 1981; Furnham, Argyle, 1981; Magnusson, 1981). На прошедшей в 1979 г. конференции «Ситуация в психологической теории и исследовании» звучали настоятельные призывы проводить широкие ис-

следования в этой области и в целом создать психологию ситуаций как важнейшее направление в развитии психологической науки в целом. К сожалению, если эти призывы и были услышаны, то не были реализованы, что объясняется традиционной преимущественной ориентацией психологии на исследование личности и соответствующей психологической феноменологии; с другой стороны, не последнюю роль сыграли и методологические трудности, вследствие которых ситуации стали считаться «трудноуловимым» для исследований объектом.

Прошедшие с того времени годы не были отмечены фундаментальным прорывом в области изучения ситуаций. Однако с начала нынешнего века интерес к их исследованию явно начинает возрастать.

Эмпирические подходы к исследованию целевой детерминации

Осознание острой необходимости изучения ситуаций для психологической науки связано прежде всего со все более громко звучащей критикой вневременного и внепространственного характера проводимых исследований, соответственно получаемых деконтекстуализированных данных, что приводит к противоречивости в описываемой в литературе эмпирике.

Поиск языка описания ситуаций и контекста существования человека вновь обозначается в качестве актуальной задачи, стоящей перед психологической наукой. Дж. Раутман (J. Rauthmann), один из последовательных в исследовании ситуаций ученых, вместе со своими соавторами в своей относительно недавней программной статье «Принципы исследования ситуации: к лучшему пониманию психологических ситуаций» вновь повторяет привычные, звучащие в психологии уже далеко не первое десятилетие сетования: недостаточное продвижение в исследовании ситуаций связано с отсутствием ясности в понимании того, как именно следует их изучать, и с отсутствием согласованных концептуальных схем и представлений в этой сфере (Rauthmann et al., 2015). В современных работах предпринимаются попытки по созданию исследовательских подходов, объединяющих личность и ситуацию, описание личностных характеристик дополняется учетом контекста (тип ситуации, ее особенности и др.), а также показателями отношения человека к ситуации (его самочувствия в ней, оценки собственных действий и т. д.) (например (Geukes et al., 2017)). При этом вопрос о целях, связанных с конкретными ситуациями контекста, как правило, не ставится. Вместе с тем многие из тех параметров взаимодействия человека с ситуацией, которые являются предметом изучения, — самочувствие человека в ситуации, его оценка собственного поведения в этой ситуации, предпринимаемых им действий и др. — не могут не быть связаны с теми целями, которые человек преследует в данной ситуации.

В уже упоминавшихся исследованиях 1980-х гг. для описания ситуаций по преимуществу используется параметрический подход, при этом цели рассматриваются в качестве центральной, системообразующей характеристики, тогда как все остальные признаки ситуации могут быть определены через их отношение к целям.

Выше отмечалось, что цели, по нашему мнению, должны рассматриваться в качестве важнейшей единицы описания взаимодействия человека с конкретными ситуациями и контекстом жизнедеятельности. Это предполагает, что их изучение не может быть оторвано от характеристик контекста.

Изучение целевых и ситуационных детерминант поведения человека является задачей проводимых нами исследований.

Гипотетическая модель целевой детерминации, положенная в основу нашего исследования, построена на предположении, что цели, которые ставит перед собой человек в основных сферах своей жизни, соотносятся им с возможностями, которыми обладает конкретная ситуация для достижения этих целей. При этом немаловажное значение имеет то, насколько человек вообще удовлетворен своей реализацией в этих сферах, и то, насколько его достижения в этих сферах и актуальная жизненная ситуация в целом соответствуют его прошлым ожиданиям. Значимость поставленных им целей определяется тем, что человек готов сделать для их достижения, насколько он склонен изменить свою жизненную ситуацию или измениться самому.

Данные гипотетические предположения были подвергнуты проверке в проведенном нами эмпирическом исследовании, направленном на изучение целевых и ситуационных детерминант активности человека.

В ранее выполненных исследованиях, посвященных жизненным сценариям и жизненным моделям человека, были выделены основные значимые для человека сферы его жизнедеятельности — профессиональная, материальная, сфера межличностных отношений и персональная сфера, отражающая стремление человека к саморазвитию, личностному росту и т. д. (Костромина и др., 2021). По отношению к этим основным сферам в нашем исследовании и были сформулированы цели человека.

Для описания целевой детерминации использовалась опросная форма, в которой фиксировались:

- значимость для человека целей в основных сферах его жизнедеятельности;
- удовлетворенность своей реализацией в этих сферах;
- соответствие актуальной жизненной ситуации и достижений в отдельных сферах ожиданиям прошлого;
- оценка возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей;
- готовность к изменению жизненной ситуации и самоизменениям ради достижения стоящих перед человеком целей.

В результате первоначальной обработки и анализа эмпирических данных ($N = 350$), относящихся к целевой детерминации активности человека, были получены следующие результаты.

Значимость целей в *профессиональной сфере* (иметь хорошую работу, стать профессионалом в своем деле, добиться высокого статуса) обнаруживает связи¹ с оценкой возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей (0,371**); с удовлетворенностью своей реализацией в этих сферах (0,308**); с соответствием актуальной жизненной ситуации и достижений в этой сфере ожиданиям прошлого (0,297**); с готовностью к самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,213**). Значимость целей в *сфере отношений* (иметь хорошую семью, детей, круг близких друзей) обнаруживает связи с готовностью к изменению жизненной ситуации

¹ Все упомянутые корреляции положительны и имеют статистически значимый характер, ** $p < 0,001$; * $p < 0,01$; значимых отрицательных связей не было обнаружено ни в одной из описанных корреляционных матриц.

(0,265**) и самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,236**); с оценкой возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей (0,157**); с удовлетворенностью своей нынешней реализацией в этой сфере (0,138**). Значимость целей в *сфере саморазвития*, персональной сфере (стать более гармоничным человеком, расширить свой кругозор, уделять внимание самообразованию и самосовершенствованию, заниматься собой) обнаруживает связи с готовностью к изменению жизненной ситуации (0,342**) и самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,342**); с оценкой возможностей, которые, по мнению человека, ему предоставляет актуальная жизненная ситуация для достижения этих целей (0,250**); с удовлетворенностью своей нынешней реализацией в этой сфере (0,151**); с соответствием актуальных достижений в этой сфере ожиданиям прошлого (0,137*). Значимость целей в *материальной сфере* (быть финансово обеспеченным человеком, иметь достаток, хорошее материальное положение и жилищные условия) показала только две корреляции — с готовностью к изменению жизненной ситуации (0,320**) и самоизменениям ради достижения стоящих целей (0,283**).

Факторный анализ выявил следующую структуру связей компонентов целеполагания². Первый фактор объединил оценку человеком возможностей, которые предоставляет ему его актуальная жизненная ситуация для достижения целей в различных сферах жизнедеятельности, а также его текущая удовлетворенность своей реализацией в профессиональной сфере и в сфере саморазвития. Таким образом, видение человеком своего будущего (с точки зрения жизненных целей) оказывается связанным с его оценкой возможностей своей нынешней жизненной ситуации. Второй фактор относится к сфере отношений и отражает удовлетворенность человека своими отношениями с людьми и то, насколько они соответствуют ожиданиям и планам прошлого. Третий фактор объединяет показатели, характеризующие удовлетворенность материальной сферой жизни и ее соответствие своим ожиданиям в прошлом относительно себя и своей жизненной ситуации в будущем. Четвертый фактор объединил две сферы — профессиональную и сферу самосовершенствования: соответствие сегодняшней ситуации в сфере профессии/самосовершенствования ожиданиям и планам прошлого, а также соответствие того, какой «Я сейчас», ожиданиям от себя в прошлом опять показывает взаимозависимость этих образов.

Приведенные результаты отражают связь целей человека с вероятностью их достижения в конкретных условиях его жизненной ситуации, оцениваемых им с точки зрения того, насколько ему уже удалось реализовать планы и ожидания прошлого, а значимость целей в конкретных сферах жизнедеятельности определяется тем, что он готов сделать для их достижения, в том числе изменить свою жизненную ситуацию или измениться самому. Правомерность данного подхода подкрепляется связями выделенных факторов целеполагания с показателями ряда личностных тестов. Так, первый фактор, отражающий оценку человеком своих возможностей, оказался связан с фундаментальной мотивацией (ФМ4 по Лэнгле), относящейся к смыслам и ценности будущего (0,461**), и с мотивацией, связанной с принятием мира и опорами в нем (ФМ1 по Лэнгле) (0,370**), а также со шкалами потенциала самоизменений: «Потребностью в самоизменениях» как стремлением

² Для эмпирической иллюстрации мы ограничимся приведением четырех первых факторов; все факторы хорошо согласованы между собой.

к новизне, разнообразию, направленности на личностный рост (хочу меняться) (0,262**); «Способностью к осознанным самоизменениям» — способностью к сознательной работе над собой, способностью планомерно воплощать задуманное в жизнь (надо меняться) (0,327**); «Верой в возможность самоизменений» — представлениями человека о возможности сознательно менять свой характер и поведение в течение жизни (0,259**); с общим показателем потенциала самоизменений (0,320**); также данный фактор имеет положительную корреляционную связь со шкалой «Будущее» (0,194**) и отрицательные связи со шкалами «Негативное прошлое» (-0,229**), «Фаталистическое настоящее» (-0,259**) и «Гедонистическое настоящее» (-0,194**) по опроснику временной перспективы Зимбардо.

В целом результаты проведенного исследования подтвердили контекстуальный характер жизненных целей человека, требующий их изучения в соотношении с возможностями и ограничениями, которые содержит его актуальная жизненная ситуация, а также во временном контексте, в соотношении с ожиданиями и планами прошлого, их успешной или неуспешной реализацией.

Уровневая модель целевой детерминации

Несмотря на признание ключевой роли целей в активности человека, их значимости для формирования различной психологической феноменологии, что в том числе подтверждается и результатами эмпирических исследований, в понимании целей остается немало вопросов.

Нельзя не отметить, что понятием «цель» в психологии обозначается достаточно разнообразная феноменология, оно используется по отношению и к долгосрочным проектам, и к сиюминутным ситуациям, и применяется едва ли не по отношению к рефлекторным процессам. Д. Макклелланд (D. McClelland), авторитетный исследователь человеческой мотивации, использует понятие целей по отношению к стадиям развития ребенка в психоанализе и стадиям жизненного цикла по Э. Эриксону (E. Erikson) (Макклелланд, 2007, с. 82–83). В упоминавшихся авторитетных исследованиях ситуаций британские ученые рассматривают цель как «состояние дел, телесное состояние, собственное поведение или поведение других, или условия внешнего мира, к которым сознательно или неосознанно стремятся и которые приносят удовлетворение при достижении и фрустрацию при недостижении» (Argyle et al., 1981), что позволяет отнести к целевым регуляторам достаточно широкую феноменологию.

Помимо явно расширенного понимания целей, в их трактовке присутствуют и другие противоречия. Цели осознаются человеком или могут иметь неосознанный характер? В отечественной литературе цели традиционно рассматривались как осознаваемые человеком, что отражается и в обыденных представлениях, в соответствии с которыми мы «ставим цели», «преследуем цели» и т. д. В то же время в своих исследованиях, посвященных конфликтам, мы не могли не констатировать, что многие цели, преследуемые людьми в конфликтных ситуациях, имеют имплицитный характер.

Являются ли цели личности устойчивым образованием или отличаются гибкостью? С одной стороны, они сохраняют свою устойчивость во времени, при изменении ситуаций или контекста жизнедеятельности. С другой стороны, они

не могут не иметь определенной гибкости, и способность человека к пересмотру и уточнению целей рассматривается как важнейший фактор его адаптации и даже его качества жизни (Barlow et al., 2020).

Неоднозначность в понимании целей приводит к исследовательским трудностям. Если еще раз вернуться к классическим работам британских ученых, то в них рассматриваются несколько возможных подходов к изучению целей. Такие варианты, как наблюдение или оценка мотивационного состояния до и после ситуации, вызывают сомнения в точности и доказательности интерпретации. Поэтому остается путь прямого опроса, рассчитанный на то, что люди способны отдавать себе отчет в том, какие цели они хотели бы и могут реализовать в конкретной ситуации.

В целом признавая эту возможность, мы хотели бы обратить внимание на опыт наших эмпирических исследований. Ответ респондентов на вопрос о том, какие цели они преследуют в конкретной ситуации, вызывает у них затруднения. Представим себе любую повседневную ситуацию. Студенты слушают лекцию. Какие цели ставят перед собой участники этой ситуации — студенты, преподаватель? Но стоило переформулировать этот вопрос — «какие задачи решаются в ходе этой ситуации?» — и ответы с легкостью находятся.

Этот опыт заставил нас задуматься, в какой мере правомерно ставить вопрос о целях в подобных привычных ситуациях повседневного взаимодействия.

Отмеченные противоречия в представлениях о целях и описывающей их эмпирической феноменологии могут быть, на наш взгляд, преодолены введением уровневого принципа в рассмотрении целей.

В свое время еще А. Н. Леонтьев в рамках развиваемого им деятельностного подхода ставил вопрос о «разноуровневом» характере детерминации поведения человека, различая понятия деятельности и действий, которые подчиняются частным целям, выделяющимся из общей цели (Леонтьев, 1977, с. 105).

Цели относятся к интегральным характеристикам, будучи важнейшим компонентом регуляции активности человека, сквозным параметром, пронизывающим разные уровни психологической феноменологии.

В психологии личности достаточно распространенным является выделение различных уровней в структуре личности и психологической феноменологии. В предложенном нами понимании различные уровни психологической феноменологии соотносятся с контекстами существования человека; тем самым описание различных форм активности человека опирается на принцип контекстуальности (Гришина и др., 2018; и др.)

Соответственно, психологическая феноменология может относиться к ситуационному контексту (взаимодействие человека с ситуациями привычной деятельности, как правило, с использованием имеющихся навыков и способов действий, которое может быть описано через индивидуальный стиль деятельности), жизненному контексту (включающему жизненные ситуации, жизненное пространство человека, в котором реализуется его жизненный сценарий (интегральной характеристикой функционирования человека в жизненном контексте является стиль жизни)) и экзистенциальному (бытийному) контексту (пространство высших ценностей и смыслов, взаимодействие человека с экзистенциальными данностями существования, которое может быть описано с помощью экзистенциальной модели существования человека) (Гришина, 2019, с. 140–150).

Соотнесение уровневой структуры личности с принципом контекстуальности позволяет описывать особенности целевой регуляции на разных уровнях.

На уровне взаимодействия человека с конкретными и привычными ситуациями (ситуационный контекст) цели поведения выступают как решаемые задачи. Появление новых или критических ситуаций (новых задач) требует постановки новых целей, которые определяются более широким контекстом, соотнесением с жизненными планами человека.

Жизненный контекст — это пространство, в котором, собственно, и возникают (формулируются) цели человека, и постановка вопроса о целях, к достижению которых стремится человек, в формате его жизненной ситуации является вполне релевантной.

Наконец, применительно к экзистенциальному контексту вопрос о целях сложно соотнести с экзистенциальной феноменологией. Во взаимодействии с экзистенциальной реальностью человек направляется своими ценностями, метапотребностями (по выражению А. Маслоу), своей жизненной философией. На этом уровне то, что можно было бы назвать целями человека, фактически переходит в самоопределение, в поиск и обретение смыслов.

Таким образом, целевая регуляция активности человека, работающая на всех уровнях его жизнедеятельности, предстает как задачи, решаемые в конкретных ситуациях, как собственно цели при взаимодействии с жизненными ситуациями и как смыслы при взаимодействии с экзистенциальной реальностью. При этом различные уровни целевой регуляции связаны между собой — человек естественно функционирует как целостность (в рамках которой выделение различных уровней выступает как исследовательский инструмент). Задачи, решаемые человеком в конкретных ситуациях, должны соотноситься с его жизненными целями и планами, которые становятся основанием его жизненных смыслов. И наоборот — жизненные смыслы определяют цели, реализуемые в жизненном контексте, которые, в свою очередь, спускаясь на более частный уровень, трансформируются в задачи конкретных ситуаций.

Уровневая дифференциация целевой регуляции, в рамках которой регуляторами активности человека выступают задачи, цели и смыслы, предполагает ряд следствий, обладающих эвристическим потенциалом. К таковым, в частности, относится вопрос об их согласованности.

В рамках развиваемой нами гипотетической схемы ситуационных, целевых и смысловых детерминант активности человека предполагается, что именно их согласованность может рассматриваться как основание психологической устойчивости и аутентичности человека. Согласованность означает, что в решении каких-то конкретных задач взаимодействия с привычными ситуациями жизнедеятельности человек реализует свои жизненные планы и жизненные цели, что дает ему чувство аутентичности, которое, в свою очередь, становится основанием ощущения осмысленности жизни. Напротив, разрыв между активностью человека в повседневной жизни и жизненными целями, к достижению которых он стремится, потенциально ведет к внутреннему конфликту и снижению удовлетворенности жизнью.

Не менее значимой является аутентичность целей, которые ставит перед собой человек. Как показывают имеющиеся данные, если человек ставил перед собой цели, отвечающие его личностным особенностям, их достижение было более

успешным (Moore et al., 2020). Цели как центральной компонент регуляции имеют аутентичный характер, если они отвечают, с одной стороны, особенностям личности, потенциалу человека, с другой — его более высоким смыслом. Созвучие поставленных нами целей нашему потенциалу рождает аутентичность, жизненным ценностям — смысл жизни. Неизбежная упрощенность этой формулировки, относящейся к сложнейшим процессам внутреннего мира человека и его взаимодействия с реальностью, не отменяет принципиального характера данного тезиса и возможности его эмпирической верификации.

Заключение

В современной психологии личности все более значимое место начинают занимать исследования, посвященные влиянию будущего на поведение человека, его жизненных планов, образа будущего, возможных Я. Важнейшими теоретико-методологическими основаниями этих исследований, на наш взгляд, являются понятия модели потребного будущего, вероятностного прогнозирования, предложенные отечественными учеными Н. М. Бернштейном и И. М. Фейгенбергом. Изучение целей человека как одного из основных регуляторов активности человека, направленной в будущее, требует учета их контекстуального характера. Цели всегда связаны с ситуациями, они являются интегральной единицей описания связи человека с ситуацией. В постановке и реализации целей человек исходит не только из своих потребностей и мотивов, но и из возможности реализации своих целей, строя «модель потребного будущего» и осуществляя вероятностное прогнозирование их достижения. Такое контекстуальное понимание целей человека обладает эвристическим потенциалом, позволяющим увидеть направления дальнейших исследований.

Литература

- Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
- Гришина Н. В. Процессуальный подход в психологии личности // Психология личности: пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 117–153.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А. Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 26–35.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В., Москвичева Н. Л., Зиновьева Е. В. Жизненные модели молодежи: изменения и традиции // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 79–98.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
- Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 12–41.
- Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сироткина И. Е. Мир как живое движение: интеллектуальная биография Николая Бернштейна / отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Когито-Центр, 2018.
- Фейгенберг И. М. Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. М.: Медицинское информационное агентство, 2011.
- Argyle M., Furnham A., Graham J. Social Situations. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Barlow M. A., Wrosch C., McGrath J. Goal adjustment capacities and quality of life: A meta-analytic review // Journal of Personality. 2020. No. 88. P. 307–323. <https://doi.org/10.1111/jopy.12492>

- Buchinger L., Entringer Th., Richter D., Wehner C., Gerstorff D., Bleidorn W.* A longitudinal study on the link between life goals and personality // 2022: ECP20 European Association of Personality Psychology. 12–15 July. 2022. P.206.
- Costin V., Vignoles V.L.* What do people find most meaningful? How representations of the self and the world provide meaning in life // *Journal of Personality*. 2022. No.90. P.541–558. <https://doi.org/10.1111/jopy.12682>
- Furnham A., Argyle M.* *Psychology of Social Situations*. Oxford, 1981.
- Geukes K., Nestler St., Hutteman R., Küfner A., Back M.* Trait personality and state variability: Predicting individual differences in within- and cross-context fluctuations in affect, self-evaluations, and behavior in everyday life // *Journal of Research in Personality*. 2017. No.69. P.124–138.
- Magnusson D. (ed.)*. *Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective* / ed. by D. Magnusson. New Jersey: Hillsdale, 1981.
- Moore A., Holding A., Verner-Filion J., Harvey B., Koestner R.* A longitudinal investigation of trait-goal concordance on goal progress: The mediating role of autonomous goal motivation // *Journal of Personality*. 2020. No.88. P.530–543. <https://doi.org/10.1111/jopy.12508>
- Rauthmann J., Sherman R., Funder D.* Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations // *European Journal of Personality*. 2015. No.29. P.63–381.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2023 г.;
рекомендована к печати 12 мая 2023 г.

Контактная информация:

Гришина Наталья Владимировна — д-р психол. наук, проф.; n.v.grishina@spbu.ru

Purpose regulation of human behavior*

N. V. Grishina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Grishina N. V. Purpose regulation of human behavior. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2023, vol. 13, issue 3, pp. 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302> (In Russian)

In descriptions of the determination of human behavior, along with the influences of his past experience or the current situation, in modern personality psychology, the constructs of the future (life plans, possible I, etc.) begin to occupy an increasing place, among which the goals of a person play an important role. Goals are the most important regulator of human activity, the implementation of which requires an image of the result to which it is aimed (“the model of the necessary future” according to Bernstein). Goals, in contrast to motives and needs related to the same phenomenological field, are situational in nature. Lewin’s concept of life space emphasizes the inextricable connection of a person with situations and the context of life activity; to concretize this connection, Thomas introduces the concept of “defining a situation”, Vygotsky — “experiencing”. The notion of purpose must be included in these descriptions: “defining the situation” is cognitive, “experiencing” describes the affective component of this connection, “goal” refers to the missing “behavioral” (“efficient”) component; in interaction with the situation, all these components “work” together, ensuring its understanding, assessment of significance and its compliance with the goals of the person. In accordance with the concept of the contextual nature of goals, a level differentiation of goal regulation is proposed, which appears as tasks to be solved when interacting with specific situations, as goals proper in a life context, and as meanings when interacting with existential reality. We put the contex-

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00871.

tual understanding of goals as the basis of a hypothetical model of goal regulation, which was tested in an empirical study. The results obtained showed the connection between a person's goals and the probability of their achievement in the specific conditions of his life situation, assessed by him in terms of how much he has already managed to realize the plans and expectations of the past, and the significance of goals in specific areas of life is determined by what he is ready to do for them, achievements, including changing one's life situation or changing oneself. Thus, the thesis about the contextual nature of goals was confirmed.

Keywords: goal, goal regulation, contextual nature of goals, level differentiation.

References

- Argyle, M., Furnham, A., Graham, J. (1981). *Social Situations*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Barlow, M. A., Wrosch, C., McGrath, J. (2020) Goal adjustment capacities and quality of life: A meta-analytic review. *Journal of Personality*, 88, 307–323. <https://doi.org/10.1111/jopy.12492>
- Bernshtein, N. (1990). *Physiology of movements and activity*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Buchinger, L., Entringer, Th., Richter, D., Wehner, C., Gerstorf, D., Bleidorn, W. (2022). A longitudinal study on the link between life goals and personality. 2022: *ECP20 European Association of Personality Psychology*. P.206.
- Costin, V., Vignoles, V.L. (2022). What do people find most meaningful? How representations of the self and the world provide meaning in life. *Journal of Personality*, 90, 541–558. <https://doi.org/10.1111/jopy.12682>
- Feigenberg, I. M. (2011). *Man Completed and ethics. Civilization as a stage in the development of life on Earth*. Moscow, Medical Information Agency Publ. (In Russian)
- Furnham, A., Argyle, M. (1981). *Psychology of Social Situations*. Oxford.
- Geukes, K., Nestler, St., Hutteman, R., Küfner, A., Back, M. (2017). Trait personality and state variability: Predicting individual differences in within- and cross-context fluctuations in affect, self-evaluations, and behavior in everyday life. *Journal of Research in Personality*, 69, 124–138.
- Grishina, N. V., Kostromina, S. N., Mironenko, I. A. (2018). A problematic field structure of contemporary psychology of personality. *Psychological Journal*, 39, 1, 26–35. (In Russian)
- Grishina, N. V. (2019). Processual approach in personality psychology. In: Grishina, N. V. (ed.). *Psychology of Personality: Being in Change* (pp. 117–153). St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Kostromina, S. N., Grishina, N. V., Moskvicheva, N. L., Zinovieva, E. V. (2021). Life models of youth: changes and traditions. *Vestnik RFBR. Humanities and social sciences*, 1 (103), 79–98. (In Russian)
- Leontiev, A. N. (1977). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian)
- Leontiev, D. A. (2011). New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible. In: Leontiev, D. A. (ed.). *Personal potential: structure and diagnostics* (pp. 12–41). Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Magnusson, D., ed. (1981). *Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective*. New Jersey, Hillsdale Publ.
- McClelland, D. (2007). *Human Motivation*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Moore, A., Holding, A., Verner-Filion, J., Harvey, B., Koestner, R. (2020). A longitudinal investigation of trait-goal concordance on goal progress: The mediating role of autonomous goal motivation. *Journal of Personality*, 88, 530–543. <https://doi.org/10.1111/jopy.12508>
- Rauthmann, J., Sherman, R., Funder, D. (2015). Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations. *European Journal of Personality*, 29, 63–381.
- Rubinshtein, S. L. (2003). *Being and consciousness. Man and the world*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Sirotkina, I. E. (2018). *The World as a Living Movement: An Intellectual Biography of Nikolai Bernstein*. A. G. Asmolov, ed. Moscow, Kogito-Centre Publ. (In Russian)

Received: March 22, 2023

Accepted: May 12, 2023

Author's information:

Natalia V. Grishina — Dr. Sci. in Psychology, Professor; n.v.grishina@spbu.ru